

Ольга
Березовская

Снежные
ПИСЬМА

18+

Ольга Березовская

Снежные письма

«Автор»

2026

Березовская О.

Снежные письма / О. Березовская — «Автор», 2026

Одна случайная ночь. А потом... Он улетел в Токио утром, сказав на прощание: «Спасибо за реальность». Она вернулась в Заозёрск и приняла решение, которое изменило всё. Восемь лет она писала ему письма. Восемь лет он искал её в чужих лицах. А потом судьба снова свела их вместе. Что сильнее – обида или любовь? Хватит ли у него смелости остаться? И хватит ли у неё сил простить?

© Березовская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Вита	5
Глава 1. Вита	8
Глава 2. Артём	11
Глава 3. Вита	14
Глава 4. Артём	17
Глава 5. Вита.	19
Глава 6 Вита	22
Глава 7 Вита	24
Глава 8 Вита	27
Глава 9 Вита	32
Г	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Березовская

Снежные письма

Пролог. Вита

Номер пахнет кофе, дорогим мужским парфюмом и чем-то ещё. Наверно, просто самим мужчиной. Мельком осматриваюсь. Минимализм. Большая кровать с белоснежным бельём, стул с набросанной одеждой, на столе – ноутбук и фотокамера.

Я стою в дверях, мокрая, нелепая. С помпоном шапки капает вода на чистый пол, и думаю: «Вита, ты сошла с ума. Ты в номере незнакомого мужчины в чужом городе. Что бы сказала мама?» А мама сказала бы: «Дочка, ты всегда была благоразумной. Не теряй голову».

Слишком поздно. Я её уже потеряла. Где-то там, на заснеженной улице, под фонарями, когда он смотрел на меня так, будто я – единственный настоящий человек в этом цифровом мире.

– Проходи, – Артём закрывает дверь. – Снимай мокрое, я принесу полотенца.

Он исчезает в ванной. Я стягиваю куртку, вешаю на спинку стула. Шапку – туда же. Сапоги – у порога. Остаюсь в свитере и джинсах – влажных, холодных, противных.

– Держи.

Он протягивает мне огромное махровое полотенце и футболку.

– Переоденься, пока твоё сохнет. Я отвернусь.

Отворачивается. Я смотрю на его спину – широкие плечи, чуть сутулые, как у всех высоких людей. Быстро стягиваю мокрый свитер, натягиваю футболку. Она пахнет им. И мне это нравится. Очень.

– Готово.

Он поворачивается. Смотрит. В его взгляде – тепло и что-то ещё, от чего у меня перехватывает дыхание.

– Тебе идёт, – говорит он просто.

– Это твоя футболка.

– Знаю.

Мы стоим друг напротив друга. Между нами всего лишь пара шагов и целая пропасть одновременно. Мост через эту пропасть мы начали строить сегодня вечером. Но достроить, конечно же, не успеем.

– Чай? – спрашивает он хрипловато.

– Чай, – соглашаюсь я, хотя понимаю, что никакой чай нам сейчас не нужен.

Он идёт к мини-бару, возится с чайником. Я сажусь на край кровати и наблюдаю за ним. Как двигаются его руки, как он хмурится, как поправляет волосы, влажные после дождя.

– Знаешь, – говорит он, не оборачиваясь, – я обычно не привожу девушек в номер, где живу. Вообще. У меня правило.

– Какое?

– Не смешивать работу и личное. Но ты...

– Что?

Он оборачивается. В руках – две кружки с горячим чаем.

– Не знаю пока. Но хочу узнать.

Он подходит, садится рядом на кровать. Протягивает мне кружку. Наши пальцы соприкасаются. Искра. Самая настоящая, физическая, от которой по руке бежит ток. Я делаю глоток. Обжигаюсь. Кашляю.

– Осторожно, – он улыбается, забирает у меня кружку, ставит обе на тумбочку. – Горячо.

– Ага.

Мы сидим рядом. Смотрим друг на друга. Тишина заполнена гулом – моим сердцебиением, его дыханием, шумом дождя за окном.

– Вита, – говорит он тихо.

– М?

– Можно тебя поцеловать?

Этот вопрос обескураживает. Не «я хочу тебя», не молчаливое наступление, а просьба. Я киваю.

Он касается моего лица слишком осторожно. Кончиками пальцев, проводит по щеке, по скуле, останавливается на подбородке. Смотрит в глаза. Ждёт. Я сама делаю решающий шаг – подаюсь вперёд и касаюсь его губ.

Это не похоже на те поцелуи, которые у меня были. Нет жадности, нет спешки, нет попытки «взять своё». Это медленно, глубоко, как будто мы пробуем друг друга на вкус, изучаем, запоминаем. Его руки скользят по моей спине, притягивают ближе. Мои пальцы зарываются в его волосы – мокрые, мягкие, пахнущие дождём. Мы отрываемся друг от друга, чтобы перевести дыхание. Он смотрит на меня – и в его глазах то же, что у меня внутри: удивление. Будто мы оба не ожидали, что это будет так восхитительно.

– Ты невероятная, – шепчет он.

– Ты тоже.

Мы снова целуемся, и на этот раз поцелуй глубже, жарче. Его руки уже под футболкой – на моей талии, на коже, которая горит от каждого прикосновения.

– Вита, – его голос срывается. – Если ты хочешь остановиться – скажи сейчас. Потому что потом я уже не смогу.

Я смотрю на него. На этого мужчину, которого знаю несколько часов. Который смотрит на меня так, будто я – самое настоящее чудо. Который просит разрешения, а не берёт силой.

– Не останавливайся, – говорю я.

И мир перестаёт существовать. Есть только его губы на моей шее, его руки, стягивающие футболку, мои пальцы, растёгивающие пуговицы на его рубашке. Есть смех, когда мы путаемся в одежде, и его шёпот: «Погоди, тут коварная молния». Есть момент, когда мы наконец оказываемся лицом к лицу, без ничего, и он замирает, глядя на меня.

– Красивая, – выдыхает он. – Самая красивая.

Я притягиваю его к себе, чтобы не слышать комплиментов, от которых щиплет глаза. Чтобы чувствовать приятную тяжесть его тела, тепло кожи, биение сердца.

Он любит меня медленно. Не торопясь. Как будто у нас есть целая вечность. Проводит губами по ключицам, по груди, по животу. Шепчет что-то неразборчивое – может, по-английски, может, просто звуки. Я выгибаюсь под его ласками, теряю чувство времени и пространства.

Когда мы наконец становимся одним целым, я вскрикиваю – от неожиданности, от полноты ощущений, от того, что это слишком и мало одновременно.

– Тш-ш-ш, – он целует меня. – Я здесь. Я с тобой.

И мы движемся вместе – в ритме, который никто не задавал, но который идеально совпадает. Я чувствую его каждой клеткой, каждым нервом. Чувствую, как он сдерживает себя, чтобы не сделать нечаянно больно, и как срывается, когда я шепчу: «Ещё...».

А после – тишина. Только наше дыхание и стук дождя. Он лежит рядом, прижимая меня к себе, и гладит по волосам. Я утыкаюсь носом в его плечо и не могу понять, где заканчиваюсь я и начинается он.

– Вита, – говорит он в темноте.

– М?

– Я не знаю, что это было. Но это было... не так, как обычно.

Я улыбаюсь в его плечо.

– У меня тоже не было такого.

– И что теперь?

Я пожимаю плечами, насколько это возможно в его объятиях.

– А что должно быть?

– Не знаю. Я просто... я не хочу, чтобы это заканчивалось утром.

Я молчу. Потому что тоже не хочу. Но понимаю, что утро наступит. И будет поезд в мой Заозёрск. И самолёт в его Токио тоже будет.

Но сейчас нам не до этих мыслей. Сейчас здесь есть только мы вдвоём. И всё.

– Давай не загадывать, – шепчу я. – Просто будем здесь и сейчас.

– Хорошо, – соглашается он. – Будем здесь и сейчас.

Он целует меня в макушку. Я закрываю глаза. Дождь за окном стихает, снова переходя в снег. Я засыпаю под ровное биение его сердца и думаю: «Наверное, так выглядит счастье. Простое, без фильтров, без планов. На одну ночь».

Перед тем как провалиться в темноту, я слышу его шёпот:

– Спасибо тебе. За реальность.

И не понимаю, комплимент это или приговор.

Глава 1. Вита

Зал конференции «Цифровой прорыв», казалось, искрит амбициями. Три сотни человек слушают спикера. А тот вещает с экрана с непоколебимой самоуверенностью. Такая бывает только у тех, кто ни разу не ошибался, а ещё у тех, кто просто забыл, каково это – быть живым.

Я сижу в седьмом ряду, ближе к проходу. На мне простой серый свитер – я специально выбрала его сегодня утром, чтобы слиться с толпой. Не вышло. Я всё равно чувствую себя здесь самозванкой. Библиотекарь из Заозёрска на конференции о цифровом будущем. Звучит как начало анекдота.

– Человечество уже завершило великий переход от бумаги к цифре, – голос спикера, Лебедева-Смоленского, лился из динамиков. – Библиотеки как хранилища знаний умерли. Им на смену приходят облачные архивы, VR-пространства, нейросети. Нам уже не нужен физический контакт с книгой, нам нужна информация. Только она, а не бумажная пыль и очереди в библиотеках.

В зале одобрительный гул. Кто-то хлопает. А я от злости мну программу конференции так, что она мгновенно превращается в комок.

Библиотечные очереди. Я вспоминаю нашу библиотеку в Заозёрске, которой уже семьдесят лет. В ней пахнет старыми книгами, деревом и почему-то всегда – яблоками, хотя яблонь рядом нет. К нам приходят совсем не за «мгновенным доступом». К нам приходят бабушки – за свежими детективами и поболтать с кем-то, кроме телевизора. К нам приходят дети – посидеть в уголке с комиксами, пока родители на работе. К нам приходят подростки – не за книгами даже, а просто посидеть в тишине. И ещё – ко мне приходят за советом. «Вика, посоветуйте что-нибудь, чтобы душу согреть». «Вика, а есть книга про то, как пережить развод?» «Вика, а можно я просто посижу тут сегодня? У меня дома... ну, вы понимаете». Я понимаю. Я всегда понимаю. Потому что библиотека – это не про книги. Точнее, не только про книги. Это про людей. Про тишину, в которой можно услышать себя. Про пространство, где не надо ничего покупать, ничего доказывать, никуда спешить. А этот, с экрана, только что объявил мою работу кладбищем.

– Время задавать вопросы, – объявляет модератор.

Руки взлетают по всему залу. Я не поднимаю. Я сижу и пытаюсь убедить себя, что мой вопрос не надо задавать. Что эти люди с айфонами последней модели и макбуками засмеют меня. И вообще, я приехала сюда за грантом, а не возмущаться и скандалить.

Но внутри меня что-то кипит. То, что заставляло меня спорить с учителями. То, что помогло защитить нашу библиотеку от закрытия три года назад, когда местные власти решили отдать здание под торговый центр. То, что заставило меня в одиночку создать блог о книгах и набрать десять тысяч подписчиков – не хайпом, а обычными простыми вещами.

– Последний вопрос, – говорит модератор.

И моя рука взлетает сама собой.

– Девушка в сером свитере, седьмой ряд. Представьтесь, пожалуйста.

Я встаю. В горле пересохло. Все смотрят на меня. На экране – Лебедев-Смоленский, который вещает откуда-то из Дубая, смотрит с легкой скукой.

– Виктория Соколова, – мой голос гораздо лучше, чем я ожидала. – Заозёрск. Библиотекарь. Автор блога «Бумажный навигатор».

В зале раздаются смешки. «Библиотекарь» после недавней речи звучит как «алхимик» или «звездочёт» – забавный пережиток прошлого.

– Виктория, ваш вопрос? – модератор улыбается со снисхождением.

– Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь пробовали обнять облачный архив?

В зале повисает тишина. Кто-то сдавленно хихикает.

– Простите? – бровь спикера ползёт вверх.

– Обнять, – повторяю я. – Прижаться щекой. Почувствовать тепло. Или холод. Или просто факт присутствия. Ваши VR-пространства дают иллюзию контакта, но это контакт с картинкой. А люди, знаете ли, всё ещё живые существа. Нам нужно тепло. Нам нужен запах. Нам нужно место, где можно просто быть человеком, и не превращаясь в пользователя интернета и нейросетей.

– Вы предлагаете вернуться человечеству в пещеры? – в его голосе появляется раздражение.

– Я предлагаю не путать прогресс с заменой. Мы перевели книги в цифру – отлично. Теперь их может прочитать кто угодно, где угодно. Но библиотека – это не только книги. Это последнее публичное пространство, где от вас ничего не требуют. Не надо покупать кофе, чтобы занять стул. Не надо иметь подписку, чтобы войти. Не надо соответствовать дресс-коду. Вы приходите – и вы уже приняты. Просто потому, что вы есть. Скажите, в ваших VR-мирах такое возможно?

Зал затихает. Кто-то перестал печатать. Кто-то обернулся. Лебедев-Смоленский открывает рот, но я меня уже не остановить.

– Я веду блог о книгах. У меня десять тысяч подписчиков. Ко мне приходят не за ссылками на скачивание. Ко мне приходят за ощущением, что они не одни в этом цифровом мире. Потому что книга – это диалог. А диалог возможен только между живыми. Или вы уже заменили собеседников нейросетями?

Я сажусь. Сердце бешено колотится. Рядом сидящий парень в очках виртуальной реальности в руках смотрит на меня с любопытством. Лебедев-Смоленский на экране собирается с мыслями. Его лицо покрывается красными пятнами. Особенности камеры высокого разрешения, той самой цифры, фиксируют всё.

– Знаете, коллега, – начинает он, – есть прекрасный афоризм: «Не пытайтесь научить свинью петь. Вы потратите время и разозлите свинью».

В зале кто-то ахает. Я чувствую, как кровь приливает к щекам.

– Но в вашем случае, – продолжает он, – я вижу не свинью, а очень искреннего человека, который боится будущего. И это нормально. Прогресс всегда пугает. Но поверьте, через десять лет ваш «Бумажный навигатор» будет такой же архаикой, как навигатор по звёздам.

– Через десять лет, – я встаю снова, потому что остановиться уже не могу, – моя библиотека всё ещё будет работать. А ваши стартапы? Очень надеюсь, что да. Не помню кто сказал: «Технологии – ничто. Главное – вера в людей». Так вот, я верю в людей. В их потребность прикасаться, чувствовать, быть рядом. В их право на тишину без подписки. И да, я готова звучать архаично. Потому что иногда архаика – это то, что держит наш сумасшедший мир.

Я сажусь. И тишина зала заполняется аплодисментами. Не громкими, не массовыми, но искренними. Человек десять хлопают. Кто-то свистит. Парень рядом со мной говорит: «Круто! Реально круто».

Лебедев-Смоленский на экране что-то отвечает, но я уже не слушаю. Приступ внезапной смелости прошёл, и теперь мне хочется провалиться сквозь землю. Зачем я это сделала? Я же приехала за грантом. Мне нужны деньги на проект. А я только что публично оскорбила человека, который сидит в попечительском совете фонда и эти самые гранты распределяет.

Модератор объявляет перерыв. Зал гудит. Ко мне подходят двое – девушка с блокнотом и парень с диктофоном.

– Виктория, можно пару вопросов? Вы правда библиотекарь? А где это – Заозёрск? А как вы решились?

Я отвечаю на автомате. В голове крутится только одно. Про грант, скорее всего, можно забыть. Ну и ладно. Придумаю что-нибудь другое. Всегда придумывала.

И вдруг – вспышка. Яркий свет бьёт прямо в глаза. Я зажмуриваюсь, поворачиваю голову и вижу его. Мужчина с камерой. Дорогой фотоаппарат, чёрный свитер, небритость, которая выглядит не как небрежность, а как продуманная часть образа. Он стоит в проходе, опустив камеру, и смотрит на меня. В его взгляде нет того, к чему я привыкла: снисхождения, любопытства, оценки. Там есть что-то другое. Что-то, от чего у меня внутри ёкает.

Наши взгляды встречаются. Одна секунда. Две. Вокруг шумит зал, двигаются стулья, обсуждают мою выходку. А мы просто стоим и смотрим друг на друга, не замечая этот гул. Потом он едва заметно улыбается. Как будто говорит: «Я тебя понял». И отворачивается, растворяясь в толпе.

А я стою и чувствую, как щёки горят уже не от спора, а от чего-то совсем другого. От того, что в этом огромном, чужом, цифровом городе меня вдруг по настоящему увидели.

– Виктория? – девушка с блокнотом тянет меня за рукав. – Вы в порядке?

– Да, – говорю я. – Да, конечно. Просто... показалось.

Но я знаю, что не показалось. Вспышка была. И не только вспышка фотоаппарата. И взгляд был.

Глава 2. Артём

Я стою посреди собственной выставки и чувствую себя экспонатом. «Одинокие в толпе» – так называется это действо. Тридцать фотографий, на которых люди в мегаполисах смотрят в телефоны, проходят мимо друг друга, существуют в параллельных реальностях. Критики в восторге. Подписчики пишут «глубоко, Артём, очень глубоко». Агент трёт руки – продано уже восемь работ по цене, за которую можно купить подержанную иномарку.

Я стою у стены с бокалом воды. Хотелось бы чего-то покрепче, но через час надо быть на конференции. Там меня будут снимать. А пока стою и наблюдаю за зрителями. Они подходят к фотографиям, делают селфи на их фоне, постят в инстаграм с хештегом #одинокоевтолпе и идут дальше. Никто не задерживается дольше, чем нужно для удачного кадра. Идеальная иллюстрация к моей же теме.

– Артём, дорогой! – ко мне подплывает женщина в шубе, которая стоит как моя годовая аренда квартиры. – Это гениально! Этот снимок, где девушка смотрит в телефон на фоне Токийской башни – это же про всех нас!

– Именно, – киваю я с дежурной улыбкой.

Она про всех нас. А я снимал эту девушку два часа, пока она не перестала обращать на меня внимание. Она ждала парня, который не пришёл. Потом написала ему что-то в мессенджере, потом стерла, потом заплакала, потом улыбнулась официанту, который принёс кофе. И эта улыбка была такой живой, такой настоящей. Тогда я дико обрадовался, что успел сделать кадр до того, как она снова надела маску. Но кто об этом знает? Подписчикам нужен образ, а не история.

– Артём, через сорок минут выезжаем, – агент Олег появляется из ниоткуда, как всегда. – Лебедев-Смоленский будет выступать, нужно попасть в кадр. Я договорился, тебя посадят в первом ряду.

– Я не хочу в первый ряд.

– Ты хочешь в первый ряд, – поправляет меня Олег. – Там сидят люди, которые покупают твои фотографии. Или ты думаешь, искусство продаёт себя само?

Я думаю, что искусство вообще не должно продаваться. Но, конечно же, вслух этого не говорю. Олег хороший агент. Он нашёл меня пять лет назад, когда я снимал свадьбы за еду, и сделал из никому неизвестного фотографа меня звезду. Я должен быть благодарен.

Я благодарен. Очень. Но я устал. Так устал, что иногда хочется взять билет в один конец куда-нибудь, где нет интернета, и просто исчезнуть. Но билеты продаются онлайн. Ирония.

– Ещё вот что, – Олег понижает голос. – После конференции будет ужин с фондом. Тот грант, о котором мы говорили. Если они одобряют твой проект «Города будущего», это будет прорыв. Европейские галереи, Артём. Понимаешь?

Понимаю. Европейские галереи, где я буду стоять с бокалом воды и смотреть, как люди фотографируют мои работы для своих соцсетей и блогов.

– Я буду.

– Умница. – Олег хлопает меня по плечу и исчезает.

Я допиваю воду и смотрю на часы. Есть ещё полчаса, чтобы побыть одному. Выхожу из галереи, закурываю. Хотя Олег не одобряет этого – «имидж не тот». Иду пешком к месту конференции. Вот так захотелось, да и недалеко совсем. Москва зимой – город контрастов. Белый снег, чёрные пальто, жёлтые окна, серое небо. И тысячи лиц, которые я мог бы снимать бесконечно. Если бы не знал, что потом Олег скажет: «Это не формат, это не продается, это никому не нужно».

В зале конференции душно. Первый ряд – кресла с именными табличками. Моё – прямо напротив сцены. Я сажусь, достаю телефон, делаю вид, что работаю. На самом деле просто

бездумно листаю ленту. Тысячи фотографий, которые я никогда не увижу вживую. Еда, лица, закаты, коты. Все пытаются поймать красивый кадр. Никто не пытается поймать момент.

На сцене появляется Лебедев-Смоленский. Говорит правильно, гладко, уверенно. Я его немного знаю – пересекались на тусовках. Он из тех, кто считает себя гением, потому что угадал тренд. Сейчас тренд – цифровизация всего. Значит, он гений.

Я слушаю вполуха, краем глаза наблюдая за залом. Люди в телефонах, люди в ноутбуках, люди в планшетах. Все что-то записывают, фотографируют, постят. Живого общения ноль. Мысль для следующего проекта: «Цифровые близнецы». Фотографии людей и их экранов. Покажу Олегу – скажет, что не формат.

– Время задавать вопросы, – объявляет модератор.

Руки взлетают. Вопросы скучные, предсказуемые. Лебедев-Смоленский отвечает с лёгкой скукой, как учитель, который сто раз это объяснял. И вдруг – она.

– Девушка в сером свитере, седьмой ряд. Представьтесь, пожалуйста.

Она встаёт. Обычная с виду. Свитер, джинсы, никакого макияжа почти. Среди этих выхланных московских девушек в брендовых пальто она выглядит чересчур настоящей.

– Виктория Соколова. Заозёрск. Библиотекарь.

По залу разносятся смешки. Библиотекарь. Забавно. А потом она начинает говорить.

– Скажите, господин Лебедев-Смоленский, вы когда-нибудь пробовали обнять облачный архив?

Я замираю. В прямом смысле – рука с телефоном останавливается на полпути.

Она говорит о том, о чём я думаю каждый день, но никогда не решался сказать вслух. О тепле. О живом контакте. О том, что технологии – это инструмент, а не смысл. О праве на тишину без подписки. Я смотрю на неё и забываю дышать. Она спорит. Не боится. Не сглаживает углы. Не пытается понравиться. Она просто говорит правду – ту, которую видит. И в этот момент её лицо... оно светится. Глаза горят таким огнём, какой я не видел ни у одной модели, ни у одной звезды инстаграма, ни у одного «успешного человека» на моих съёмках.

Инстинкт срабатывает быстрее мысли. Я хватаю камеру – она всегда со мной, даже когда Олег говорит: «Отдохни уже от работы». А я ловлю её в объектив. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Она поворачивается на вспышку. И смотрит прямо на меня. Прямо в объектив. Прямо в душу.

Я опускаю камеру. Наши взгляды встречаются. Вокруг – зал, аплодисменты, гул голосов. А для меня есть только она. Эта девушка из Заозёрска. Библиотекарь. Которая только что разнесла в пух и прах одного из главных гуру цифровой эпохи.

И в её глазах – не злость, не самодовольство победителя. Там что-то другое. Какая-то незащищённость пополам с силой. Как будто она сама не ожидала, что это скажет. Я улыбаюсь ей. Чуть-чуть. Одними уголками губ.

«Я тебя понял», – хочу сказать я. Но не говорю. Просто отвожу взгляд и растворяюсь в толпе. Потому что если я останусь, я подойду к ней. А подходить нельзя. У меня через полчаса ужин с фондом, европейские галереи, Олег убьёт, если я опоздаю.

Но в голове назойливо крутится одно: этот кадр – не для ленты. Этот кадр – для меня.

Я выхожу из зала, на ходу просматриваю снимки. Она – огонь. Она – жизнь. Она – то, что я искал все эти годы в чужих лицах, в чужих городах, в чужих историях.

– Артём! – Олег хватает меня за рукав у выхода. – Ты где ходишь? Ужин через двадцать минут, нам ещё ехать!

– Иду.

Я убираю камеру в сумку. Иду. Но мыслями я всё ещё там – в седьмом ряду, где стоит девушка в сером свитере с глазами, полными живого огня.

Грант одобрили. Олег счастлив. Я делаю вид, что тоже счастлив. А сам сижу в холле бизнес-центра и смотрю на её фотографии. Я не знаю, кто она. Не знаю, как её найти. Не знаю, увижу ли её когда-нибудь ещё. Но я знаю одно: сегодня в моей ленте появился кадр, который

не нуждается в лайках. Потому что он уже идеален. Я сохраняю его в закрытую папку. Без названия. Без хештегов. Просто для себя.

Глава 3. Вита

После моего «выступления» я чувствую себя так, будто разделась догола посреди Красной площади. Адреналин схлынул, и теперь меня трясёт. Кофе. Мне срочно нужен кофе. И пять минут тишины, чтобы перестать прокручивать в голове этот дурацкий цирк и не думать о том, что грант, скорее всего, накрылся медным тазом.

Я выхожу из конференц-зала и плетусь по коридору в поисках буфета. Вместо буфета нахожу вывеску «Коворкинг-кафе «Проводник»». Внутри – стерильная чистота, длинные деревянные столы, розетки в каждом углу и тотальная концентрация людей, уткнувшихся в ноутбуки. Цифровые кочевники. Племя, которое никогда не спит, потому что всегда на связи.

Я заказываю американо, сажусь за свободный столик у окна и достаю телефон. Нужно ответить маме, написать в библиотечный чат, что всё идёт по плану. И, конечно же, сделать вид, что я контролирую ситуацию.

Рядом со мной парень в очках виртуальной реальности на лбу что-то яростно печатает, периодически поднимая голову, чтобы сделать глоток из огромной кружки с логотипом «Я люблю JS». Через два стола от нас девушка записывает сторис, поворачивая телефон под разными углами и шепча: «Мой идеальный рабочий день в самом атмосферном месте Москвы».

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом падает снег. Крупными хлопьями, медленно, как в замедленной съёмке. По тротуару идут люди, прячут лица в шарфы, смотрят в телефоны, проходят мимо друг друга, не замечая.

«Одинокие в толпе». Где-то я сегодня слышала это сочетание. Кажется, на афише в метро. Фотовыставка какая-то. Я делаю глоток кофе. Горько. Хорошо.

И вдруг свет гаснет. Не во всём кафе, а только над нашими столами. Ноутбуки издают жалобный писк, роутеры в углу перестают моргать. Тишина. Абсолютная, ватная тишина, в которой слышно только, как снег бьётся в стекло.

– Блин, – парень в очках VR снимает их и смотрит на потолок. – Что за...

– Серверы легли, – объявляет бармен из-за стойки. – Во всём районе. Авария. Через час обещают починить.

Час. Целый час без интернета. В кафе воцаряется хаос. Кто-то хватается за телефон, чтобы раздать мобильный интернет. Кто-то начинает собираться – какой смысл сидеть в коворкинге без работы. Кто-то просто сидит в ступоре, глядя на потухший экран, как на труп близкого родственника. Я допиваю кофе и думаю, что, наверное, тоже пойду. В гостиницу. Переваривать сегодняшний день.

– Каменный век. – голос раздаётся прямо над ухом. Глубокий, чуть хриплый, с лёгкой усмешкой. – Придётся разговаривать.

Я поднимаю голову и замираю. Это он. Тот самый фотограф с выставки. Тот, чья вспышка ослепила меня в зале. Тот, чей взгляд я не могу забыть уже несколько часов.

– Вы? – глупо вырывается у меня.

– Я, – он улыбается. – Артём. Можно присесть? У вас единственный свободный стул.

Я киваю. Он садится напротив. Вблизи он ещё... заметнее. Небритость, которая выглядит как стиль, а не как небрежность. Глаза – тёмно-серые, почти чёрные, с длинными ресницами. Руки – сильные, с длинными пальцами, один в старом шраме на костяшке.

– Артём Волков, – представляется он, протягивая руку.

– Вита, – я пожимаю его ладонь. Тёплая, сухая. Пожатие уверенное, но не на грани «мужского доминирования». – Но вообще Виктория.

– Вита, – повторяет он, пробуя имя на вкус. – Красиво. Жизнь.

– Родители постарались, – пожимаю плечами. – А вы... вы тот фотограф? С выставки «Одинокие в толпе»?

Он чуть заметно кривится.

– Был. Есть. Неважно. Вы лучше скажите, вы как себя чувствуете после того разноса? Я смотрел, Лебедев-Смоленский аж покраснел через камеру. Это надо уметь.

– Ужасно, – признаюсь я честно. – До сих пор трясёт. Я вообще не планировала. Оно всё как-то само...

– Само не бывает, – перебивает он. – Вы верите в то, что говорили. Это было видно. И слышно. И это было прекрасно.

Я чувствую, как краснею. Снова. Сколько можно сегодня?

– Спасибо. Но грант я теперь вряд ли получу. Он в попечительском совете фонда, которым руководит тот, кому я устроила разнос.

– Лебедев-Смоленский? – Артём усмехается. – Не берите в голову. Он через месяц забудет. А если нет – значит, не судьба. Лучше скажите, что это за проект, из-за которого вы так рисковали?

Я смотрю на него с подозрением. Обычно, когда люди спрашивают про мою работу, им нужно: а) поддержать светскую беседу; б) убедиться, что библиотекари – скучные люди; в) просто убить время. Но Артём смотрит иначе. В его глазах – настоящий интерес. Без снисхождения, без оценки, без «ну-ка, развлеки меня, провинциалка».

– Библиотека будущего, – начинаю я осторожно. – Не в смысле цифровой. А в смысле... Понимаете, у нас в Заозёрске библиотека – это единственное место, куда можно прийти бесплатно и просто быть. Не покупать кофе, не сидеть в телефоне, не делать вид, что ты занят. Просто сидеть, читать, разговаривать. Мы хотим сделать там ещё и мастерские, и лекторий, и детский уголок. Чтобы люди приходили не только за книгами, а друг к другу.

– И для этого нужен грант?

– И для этого нужен грант. На ремонт, на оборудование, на зарплату приглашённым лекторам. Сами мы не тянем. Город маленький, бюджет дотационный.

Артём молчит, обдумывая. Потом говорит:

– А почему вы? Почему именно вы этим занимаетесь?

Вопрос застаёт врасплох. Я не привыкла, чтобы меня спрашивали про «почему». Обычно спрашивают «что» и «сколько стоит».

– Потому что... – я замолкаю, подбирая слова. – Потому что я выросла в этой библиотеке. У нас дома было тесно, вечно кто-то шумел, а в библиотеке – тихо. И пахло книгами. И можно было читать всё подряд, никто не запрещал. И библиотекарь, тётя Нина, всегда советовала что-то такое, что мне было нужно, даже если сама этого не понимала. А потом я выросла и тётя Нина ушла на пенсию. И я поняла, что не могу допустить, чтобы это место закрылось или стало просто складом книг. Это дом. Для многих. И я за этот дом отвечаю.

Я замолкаю, испугавшись, что сказала слишком много. Слишком личного. Слишком откровенного. Артём смотрит на меня, и в его глазах что-то меняется. Как будто он увидел во мне что-то, чего совсем не ожидал.

– Знаете, Вита из Заозёрска, а ведь я всю жизнь ищу такие места. И таких людей. Но всё время снимаю что-то другое. – Он усмехается, но усмешка выходит горькой. – Полмиллиона подписчиков, а поговорить не с кем.

– Полмиллиона? – я, наверное, выгляжу глупо с открытым ртом. – Вы серьёзно?

– Серьёзно. Только это ничего не значит. Лайки – это не разговоры. Просмотры – не понимание. Я могу выложить фото и получить сто тысяч сердечек, а потом сидеть один в номере отеля и не знать, зачем я вообще это делаю.

Я смотрю на него и вижу то, чего не видно на фотографиях. Усталость. Одиночество. И какой-то голод – не физический, а душевный. Похожий на мой собственный.

– Знаете, – говорю я, – у нас в библиотеке есть старый диван. Ему лет пятьдесят, он продавленный, скрипучий, обивка вытерлась. Но на нём сидели поколения читателей. И если бы я могла отправить вам его фото, вы бы поняли, что такое настоящая история. Без лайков.

Он смеётся. Впервые по-настоящему – открыто, громко, запрокинув голову.

– Продавленный диван вместо соцсети. Гениально. Вита, вы – чудо.

Я смущаюсь снова. Но теперь это приятное смущение. Как будто меня похвалили за что-то важное.

– Слушайте, – Артём наклоняется ближе, – серверы всё ещё не работают. Давайте мы прогуляемся? А вы мне расскажете про свой диван. И про библиотеку. И про Заозёрск. Я никогда там не бывал.

– Там нечего снимать, – честно предупреждаю я. – Обычный город. Пятиэтажки, заводская труба, три остановки.

– Значит, будет что снимать, – возражает он. – Настоящее.

Я смотрю на него. На его глаза, в которых плещется что-то тёплое и живое. На его руки, спокойно лежащие на столе. На его улыбку – не дежурную, не для камеры, а настоящую. И понимаю, что не хочу уходить.

– Давайте, – говорю я. – Только без фото. Я не люблю фотографироваться.

– Договорились, – он поднимает руки в шутливом жесте капитуляции. – Ни одной фотографии. Честное блогерское.

Мы смеёмся. За окном падает снег. В кафе горит аварийный свет, люди мечутся в панике от отсутствия интернета. А мы сидим и разговариваем. И это лучше любого общения в сети.

Глава 4. Артём

Мы выпили по второму кофе, потом по третьему. Серверы так и не починили. Люди в кафе сначала бесились, потом смирились, потом начали разговаривать друг с другом. Для них живой диалог без посредников в виде экранов – невероятный стресс.

Но я смотрю только на неё. Вита. Имя ей идёт. Она действительно живая – вся, целиком, без остатка. Когда она рассказывает про свою библиотеку, у неё загораются глаза.

– Слушайте, – говорю я, когда за окном окончательно темнеет, а кофеин уже скоро полезет из ушей, – давайте выйдем подышим? А то сейчас взорвусь от шума и кофе.

– Поздно уже, – сомневается она. – Мне завтра рано на поезд.

– Совсем ненадолго. Обещаю.

Она смотрит на меня, и я вижу, как в ней борется осторожность и любопытство. Любопытство побеждает.

– Хорошо. Ненадолго.

Мы выходим на улицу, и я понимаю, что врал. Никаких пяти минут. Я не готов её отпустить. Снег идёт стеной. Крупные хлопья падают на ресницы, на плечи, на шапку Виты – смешную вязаную шапку с помпоном, которая совсем не вписывается в московскую моду, но ей невероятно идёт.

– Красиво, – говорит она, запрокидывая голову. – У нас тоже снег, но почему-то здесь он кажется совершенно другим.

– Потому что ты в Москве, – отвечаю я и сам замечаю, что перешёл на «ты». – Всё здесь кажется другим.

– Мы уже на «ты»? – она улыбается.

– А мы разве не были? Мне кажется, мы знакомы тысячу лет.

Она не отвечает, но и не протестует. Мы идём по заснеженному тротуару, и наши руки в варежках соприкасаются. Случайность. Нет, не случайность.

– Расскажи, – прошу я, – почему ты одна?

Она пожимает плечами:

– Не знаю, – она задумывается. – Работа всё время забирает. И не встретился тот, кто способен разделить мою маниакальную преданность библиотеке.

Узнаю себя в этой простой фразе. Я – тот, кто всегда в бегах, в перелётах, в новых проектах. Кто боится осесть, боится привязаться, боится, что кто-то будет ждать от него больше, чем он может дать.

– А ты? – спрашивает она. – Ты один? С твоими полумиллионами подписчиков?

– Один, – признаюсь я. – И это, знаешь, самое одинокое одиночество. Когда тебя «любят» тысячи людей, которых ты никогда не видел, а рядом никого, кому можно позвонить в три часа ночи и сказать, что страшно.

– Тебе бывает страшно?

– Постоянно. Страшно, что всё это – фейк. Что я – фейк. Что завтра люди поймут, что я ничего особенного не умею, и отпишутся. И останутся только стены.

– А что тогда будешь делать? – спрашивает она серьёзно.

Я задумываюсь. Впервые кто-то задаёт мне этот вопрос не в шутку, не в интервью, а по-настоящему.

– Не знаю. Наверное... начну жить. По-настоящему.

Мы проходим мимо старого особняка с колоннами. Фонари горят жёлтым, снег кружится в их свете, и Вита вдруг останавливается, заворожённая.

– Красиво, – шепчет она. – Как в кино.

Я смотрю на неё. На снежинки в её волосах. На покрасневшие щеки. На губы, чуть приоткрытые от восхищения. И понимаю, что сейчас – самый настоящий момент в моей жизни за последние пять лет. Я достаю телефон.

– Можно? Просто для себя. Обещаю не выкладывать.

Она колеблется секунду, потом кивает.

Я снимаю. Не постановочно, не ища идеальный ракурс. Просто ловлю момент – её улыбку, её взгляд, её «здесь и сейчас».

– Спасибо, – говорю я, убирая телефон.

– За что?

– За то, что есть. Настоящая. Без фильтров.

Она краснеет. Отворачивается.

– Пойдём дальше?

Мы идём. Разговор становится тише, интимнее. Она рассказывает про себя. Я рассказываю про своё детство – вечные переезды, военная часть, отец, которого почти не видел.

– Мы оба ищем дом, – подводит итог она. – Ты – в мире, я – в книгах.

– Может, дом – это не место, – говорю я. – Может, дом – это человек.

Она поднимает на меня глаза. В них – вопрос, надежда, страх. Всё сразу. Начинает таять. Снег сменяется дождём со снегом – противная московская морось, которая пробирает до костей.

– Чёрт, – Вита ёжится. – До метро далеко?

– Я рядом живу, – вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать. – Вон тот отель, видишь? Два шага.

Она смотрит на отель, потом на меня.

– Я не... мы не...

– Просто согреться, – перебиваю я быстро. – И продолжить разговор. Ты так и не доказала, что бумажные книги лучше электронных.

Это звучит как дурацкая шутка, но в моём голосе – мольба. Не уходи. Дай мне ещё немного времени. Дай мне шанс.

Она молчит долго. Секунду, две, три. Дождь со снегом заливает нам лица, а мы стоим и смотрим друг на друга.

– Хорошо, – говорит она тихо. – Только недолго.

Я улыбаюсь.

– Обещаю. Только чай.

Мы идём к отелю. Я чувствую её руку рядом со своей. И понимаю, что нарушу все обещания, которые только что дал. Потому что такая, как она, случается раз в жизни. И я не хочу её упустить.

Глава 5. Вита.

Я просыпаюсь оттого, что замерзла.

Во сне я прижималась к Артёму, искала его тепло, а теперь лежу одна, съёжившись на краю огромной кровати. Простыня сбилась, одеяло наполовину сползло на пол.

Я открываю глаза и вижу его.

Он спит на животе, уткнувшись лицом в подушку и подложив под неё руки. Свет фонарей из неплотно задёрнутых штор падает на его спину, высвечивая каждый позвонок, каждую линию мышц. Он дышит ровно, глубоко. Так, как дышат только в самом крепком, безмятежном сне.

Я приподнимаюсь на локте и просто смотрю. Во сне он выглядит моложе. Нет той собранности, той лёгкой настороженности, которая была в нём вечером. Исчезает маска успешного фотографа, звезды соцсетей, человека, который всегда начеку. Остаётся просто мужчина. Тёплый, живой, уязвимый.

У него длинные ресницы – я замечаю это только сейчас. Тёмные, пушистые, они чуть подрагивают, когда он видит сны. На виске – маленький шрам, почти незаметный, спрятанный в волосах. На правом плече – родинка, похожая на крошечную карту неизвестного острова. Я хочу протянуть руку и провести пальцами по его спине. Хочу прижаться к нему, разбудить, поцелую, снова оказаться в его объятиях. Хочу, чтобы это утро длилось вечно.

Но что-то останавливает. На тумбочке рядом с ним тихо вибрирует телефон. Экран загорается, гаснет, снова загорается. Одно уведомление, второе, третье. Они сыплются непрерывным потоком, как будто весь мир не может подождать, пока он проснётся. Я смотрю на этот телефон. На красивый чехол из чёрной кожи. На крошечные царапины на углах. На отпечатки пальцев на экране. И чувствую, как внутри шевелится любопытство. То самое, которое всегда доводит до беды.

Я осторожно тянусь к телефону. Замираю, проверяя, не проснулся ли он. Нет, дышит ровно, спит. Экран загорается от моего прикосновения. И я вижу его мир.

Его профиль открыт – видимо, он засыпал, листая ленту. И это не просто соцсеть. Это портал в другую вселенную. 500К подписчиков. Я пересчитываю нули, не веря своим глазам. Пятьсот тысяч. Полмиллиона людей, которые следят за его жизнью.

Уведомления сыплются в реальном времени: «nastya_models отметила вас на фото», «dasha_lifestyle прокомментировала: "Артём, ты гений!"», «mikhail_film написал: "Когда новый проект? Жду!"»

Я пролистываю вниз. Последний пост – вчерашний, из аэропорта, ещё до нашей встречи. Фото заката, подпись: «Москва прощается». 45 тысяч лайков. Две тысячи комментариев.

Открываю комментарии.

«Красавчик!»

«Когда в Токио?»

«Обожаю твои фото!»

«Артём, ты свободен сегодня вечером?» – это от девушки с аватаркой в купальнике.

«Малыш, я скучаю» – от другой.

«Позвони, когда приземлишься. Целую» – от третьей.

Я листаю дальше. Его сторис. Вчерашний день: завтрак в отеле, улицы Москвы, подготовка к выставке. И десятки ответов: сердечки, вопросы, признания.

Мой телефон за всё время моего блога не набрал столько внимания, сколько он получает за одну минуту.

Я смотрю на спящего Артёма. На его расслабленное лицо, на родинку на плече, на руку, свесившуюся с кровати.

И понимаю одно. Этот человек – не мой. Он вообще ничей. Он принадлежит им. Полу-миллиону незнакомцев, которые ждут его фото, его сторис, его внимания. Они кормятся им, а он – ими. Это симбиоз, в котором нет места для таких, как я.

Пропасть между нашими мирами становится осязаемой. Физической. Я чувствую её кожей, как холодный сквозняк из невидимой щели. Я кладу телефон на место. Осторожно, стараясь не разбудить его. И просто сижу, глядя на этого чужого, прекрасного, недостижимого мужчину. Слез нет. Есть только пустота в груди и странное облегчение. Теперь я знаю правду. И не буду строить иллюзий.

– М-м-м, – он шевелится, переворачивается на спину, открывает глаза. Секунду смотрит на меня мутным спросонья взглядом, потом улыбается. – Ты смотришь на меня.

– Ты красивый, – отвечаю я просто.

Он тянется ко мне, хочет поцеловать, но в этот момент телефон снова взрывается вибрацией. Артём морщится, тянется за ним, смотрит на экран. И я вижу, как меняется его лицо. Расслабленность исчезает, сменяясь собранностью, деловитостью. Свою привычную маску он надевает за секунду.

– Чёрт, – говорит он, садясь. – Олег звонит. Извини, мне нужно ответить.

Он берёт трубку и через секунду уже говорит тем самым голосом – уверенным, чуть насмешливым, «публичным».

– Да, слушаю. Что там? Авиакомпания подтвердила? Хорошо. Нет, я успею. Во сколько вылет? Отлично. Соедини меня с ними ещё раз.

Он говорит, жестикулируя свободной рукой, и я вижу другого человека. Того, чьи фото собирают тысячи лайков. Того, кто всегда в движении, всегда в деле, всегда на связи. А не того, который был со мной этой ночью.

Он замечает мой взгляд и чуть заметно пожимает плечами – мол, работа. Я понимающе киваю.

Разговор длится минут десять. За это время Артём успевает: подтвердить билеты, договориться о встрече в Токио, дать указания ассистенту по поводу выставки, пообещать агенту «быть на связи». Я сижу, натянув простыню до подбородка, и чувствую себя лишней. Абсолютно, катастрофически лишней в этом цифровом водовороте.

– Извини, – говорит он, наконец бросая телефон на кровать. – Работа.

– Я понимаю.

– Мне правда жаль, что так вышло. Я не планировал сегодня улетать, но там такие перспективы...

– Артём, – перебиваю я. – Всё нормально. Правда.

Он смотрит на меня, и в его глазах – смесь благодарности и облегчения. За то, что я не устраиваю сцен. Я не требую продолжения. Я облегчаю ему жизнь.

– Ты невероятная, – говорит он.

Я улыбаюсь. И уже совсем не верю в свою невероятность.

– Мне тоже нужно собираться. Поезд через три часа.

Он вскакивает, начинает метаться по номеру, собирая вещи. Я иду в душ. Под горячей водой позволяю себе одну минуту слабости – прижимаюсь лбом к кафельной стене и даю волю слезам. Ровно на одну минуту.

Потом выключаю воду, вытираюсь, одеваюсь. Выхожу – он уже при полном параде: свежая рубашка, уложенные волосы, собранный чемодан. Совершенно другой человек. Красивый, уверенный, недостижимый.

– Готова? – спрашивает он. – Я вызову такси, подброшу до вокзала.

– Не надо, – качаю я головой. – Мне ещё к себе в гостиницу. А тебе в другую сторону. Опоздаешь на самолёт.

– Вита...

– Правда, не надо. Я сама.

Он смотрит на меня, и я вижу, что он понимает. Понимает, что это – прощание. Что после сегодняшнего утра мы вряд ли увидимся. И что так будет лучше для всех.

– Можно я хотя бы позвоню? – спрашивает он. – Вечером? Или завтра?

Я киваю. Потому что не могу сказать «нет». Потому что внутри ещё теплится та самая глупая надежда.

– Конечно.

Он подходит, обнимает меня. Крепко, по-настоящему. Шепчет в волосы:

– Спасибо тебе. За эту ночь. За то, что ты есть.

Я молчу. Потому что если открою рот – разревусь.

– Иди, – говорю я, отстраняясь. – Лети. Твой самолёт ждёт.

Он улыбается напоследок – той самой улыбкой, от которой у меня подкашиваются колени – и выходит за дверь.

Я стою посреди пустого номера, среди сбитых простыней, остывшего кофе и его забытого запаха. Стою и слушаю тишину. Потом собираю свои вещи и тоже ухожу.

В поезде я пойму, что мы даже не обменялись контактами. И никто мне никогда не позвонит. Потому что ему это не надо. А я никогда не открою его профиль в соцсети. Но это будет потом. Когда поезд темной ночью будет уносить меня в Заозёрск. А сейчас я просто иду по заснеженной Москве...

Глава 6 Вита

Поезд прибывает в Заозёрск ранним утром. Я стою у окна в тамбуре и смотрю, как за стеклом проплывают знакомые пейзажи. Берёзовые рощи, заснеженные поля, маленькие станции с бабушками, продающими вязаные носки. Всё такое родное, такое привычное. И всё это так далеко от той невероятной, волшебной ночи, проведённой в Москве.

В голове сплошная каша. Мысли скачут, как сумасшедшие, и я не в силах ни на чём сконцентрироваться. Артём. Его улыбка. Его руки. Его шёпот в темноте: «Спасибо за реальность». А потом – его телефон, разрывающийся от уведомлений. Полмиллиона подписчиков. Тысячи комментариев. Девушки с аватарками в купальниках, пишущие «Малыш, я скучаю». Я мотаю головой, пытаюсь стряхнуть эти картинки. Не думать. Не вспоминать. Не надеяться.

– Заозёрск! – объявляет проводница, проходя по вагону. – Стоянка пятнадцать минут.

Я хватаю сумку и выхожу на перрон. Холодный воздух обжигает лёгкие, и это почему-то помогает. Приводит в чувство. Заозёрск встречает меня привычным запахом дров и свежего снега. Маленький вокзал с облупившейся краской, бабушки с вёдрами замёрзшей клюквы, мужик в телогрейке, продающий вязаные носки. Всё, как всегда. Только я – не как всегда. Но именно вот это всё и есть мой мир. И он никак не пересекается с миром одного замечательного фотографа.

Я иду пешком через весь город – нет сил ждать автобус. Ноги сами несут к дому, а мысли снова убегают в Москву. В тот номер. В его объятия.

– Вика! – мама встречает меня на пороге. – Наконец-то! А я уже волновалась. Ну как съездила? Как конференция?

– Нормально, мам. Устала просто.

– Иди завтракать. Я блинов напекла.

На кухне всё по-прежнему: кухонный гарнитур с хрусталём, который никто никогда не достаёт, праздничная посуда за стеклом, клеёнка в цветочек, фикус на подоконнике. Я сажусь на табуретку, обхватываю руками горячую кружку чая и смотрю в одну точку.

– Вика, – мама садится напротив. – Ты какая-то странная. Случилось что?

– Нет, мам. Всё хорошо. Просто устала. Шумная эта Москва какая-то и напряжная слишком.

– Ты там познакомилась с кем-то? – мама смотрит пронизательно. – Я же вижу, ты не в себе.

– Мам, не начинай, – я отвожу взгляд, пытаюсь утаить гостиничное приключение.

– Ладно-ладно, – она поднимает руки. – Но если захочешь поговорить – я рядом.

Я киваю и утыкаюсь в кружку. Рассказывать нечего. Вернее, рассказать есть что, но я не знаю, как объяснить маме, что провела ночь с незнакомцем, который утром улетел в Токио, даже не спросив мой номер.

После завтрака я иду в библиотеку. Даже не иду, а сбегая. Ноги сами несут меня туда – это единственное место, где я всегда чувствую себя на своём месте.

Родное встречает меня знакомым запахом: старые книги, дерево, и почему-то всегда – яблоки. Это что-то из разряда мистики. Независимо от времени года в этом здании пахнет яблоками. Зелёными и кислыми. Я прохожу между стеллажами, провожу пальцами по корешкам, и постепенно отпускает. Здесь мой мир. Здесь всё просто и понятно.

– Вита! – Лена, моя коллега и подруга, вылетает из подсобки. – Ну как съездила? Рассказывай!

– Лен, дай хотя бы куртку снять, – бурчу на подругу.

– Ой, прости. – Она помогает мне раздеться, вешает куртку в шкаф. – Ну рассказывай! Грант дали?

- Не знаю ещё. Результаты через месяц.
- А конференция как? Познакомилась с кем-нибудь?
- Я краснею. Лена замечает это мгновенно.
- О-о-о! – тянет она. – Я же чувствовала! Рассказывай давай!
- Нечего рассказывать, – бурчу я, усаживаясь за рабочий стол.
- По глазам вижу, что есть. Ну Вита!
- Лен, правда. Ничего серьёзного.
- А что? Что-то было?

Я вздыхаю. Лена – единственный человек, с которым я могу быть откровенной. Мы работаем вместе пять лет, и она знает обо мне больше, чем мама.

– Было, – признаюсь я тихо. – Познакомилась с одним фотографом. Провели вместе ночь. Утром он улетел в Токио.

– Офигеть! – глаза Лены становятся круглыми. – И как он? Красивый?

– Очень.

– А почему не обменялись контактами?

– Я не знаю, Лен. Как-то... не сложилось. Он утром был занят, я тоже спешила. А потом я подумала: зачем? У него полмиллиона подписчиков, жизнь в перелётах, а у меня что? Только Заозёрск и библиотека.

– Вита, ты дура, – Лена качает головой. – Если человек тебе понравился, надо было брать номер.

– Легко сказать.

– А ты влюбилась?

– Лен, – я закатываю глаза. – Я провела с ним одну ночь. Какая влюблённость?

– А глаза-то у тебя горят, – замечает она. – Как у девчонки, которая впервые влюбилась. Я отворачиваюсь, делаю вид, что разбираю бумаги на столе.

– Иди работай, – бурчу я. – У нас отчёты на носу.

Лена смеётся, но отстаёт. А я остаюсь одна со своими мыслями.

Влюбилась? Нет. Конечно, нет. Это просто одна невероятная ночь. Которой у меня никогда не было, да и вряд ли будет ещё что-то подобное. Просто красивый мужчина. Просто что-то, чего у меня давно не было. Я открываю ноутбук и пытаюсь работать. Отчёты, заявки, планы. Но перед глазами – его лицо. Его улыбка. Его шёпот: «Вита. Красиво. Жизнь».

– Чёрт, – шепчу я. – Вита, выкинь его из головы.

Не он почему-то не выкидывается.

Следующая неделя проходит в тумане. Я хожу на работу, общаюсь с читателями, разбираю книги, пишу отчёты. Внешне всё нормально. Внутри – какая-то странная пустота. Или не пустота, а наоборот – чересчур сильная заполненность. Мыслями о нём. О фотографe с другой планеты.

Я запрещаю себе заходить в его соцсеть. Даже не открываю поиск. Потому что знаю: если увижу его фото – сорвусь. Начну листать, искать, надеяться. А надеяться-то совсем не на что.

Глава 7 Вита

- Вита! – Лена врывается в кабинет без стука. – Там такое!
- Что случилось?
- Звонили из администрации. К нам едет какой-то важный инвестор из Москвы. Хочет посмотреть библиотеку. Лично.
- Что? Зачем? Какой инвестор? Я ничего об этом не знаю.
- Говорят, он слышал твоё выступление на конференции. Оно ему так понравилось, что он решил вложиться в проект.
- Моё выступление? Но там же было... - я замираю. – Лена... Господи, слышала бы ты, что я там такое наговорила...
- Видимо, наговорила всё правильно, – Лена улыбается. – Короче, готовься. Завтра приезжает.
- Кто? Как его зовут? – у меня слишком много вопросов.
- Дмитрий Крюков. Инвестиционная компания «Север-Капитал». Очень серьёзный дядя, говорит.
- Крюков. Я напрягаю память. Кажется, я видела его в зале. Сидел в первом ряду. Дорогой костюм, уверенный вид. Не улыбался, когда другие смеялись над моим «обними облачный архив». Смотрел внимательно. Как и Артём.
- И что ему нужно? – спрашиваю я.
- Хочет увидеть всё на месте. И познакомиться поближе с той самой библиотекаршей, которая посмела спорить с самим Лебедевым-Смоленским.
- У меня внутри всё сжимается. С одной стороны – это шанс. Огромный шанс для библиотеки. С другой – я ведь даже не знаю, чего ждать от этого визита.
- Лен, я не готова. У меня тут бардак, отчёты...
- Вита, соберись. – Лена кладёт руки мне на плечи. – Это твой звёздный час. Ты понимаешь? Покажи ему, на что мы способны. И оденься прилично, ладно? Не в этом свитере, в котором ты на конференцию ездила.
- А что с моим свитером?
- Ничего, – Лена закатывает глаза. – Просто ты в нём как библиотекарша из старых фильмов. А тебе надо выглядеть как руководитель проекта.
- Я смотрю на свой любимый серый свитер. Тот самый, в котором я была в Москве. Тот самый, в котором меня впервые увидел Артём.
- Ладно, – вздыхаю я. – Что-нибудь придумаю.
- Вечером я сижу на кухне и смотрю в окно. Завтра приезжает инвестор. Дмитрий Крюков. Человек, который может изменить всё. А я думаю совершенно о другом. О том, кто улетел в Токио и даже не оглянулся.
- Дура, – шепчу я себе. – Выкинь его из головы. У тебя есть дело поважнее. Но сердце не слушается. Ему не прикажешь.
- Утро встречает меня хмурым небом и снегопадом. Я стою перед зеркалом в ванной и рассматриваю себя. Лена права – надо выглядеть посolidнее. Достаяю из шкафа единственное приличное платье – чёрное, строгое, по фигуре. Надеваю, кручусь перед зеркалом. Вроде нормально. Только глаза какие-то чужие, не мои.
- Вика, – мама заглядывает в комнату. – Ой, какая ты красивая! Свидание?
- Мам, у меня встреча с инвестором. Из Москвы приехал.
- А-а, – мама разочарованно тянет. – Ну хоть так. Хоть с инвестором в люди выйдешь. Может, познакомитесь поближе?
- Мам!

– Ладно-ладно, иди уже.

В библиотеку я прихожу за час до назначенной встречи. Надо всё проверить, подготовиться, успокоиться. Лена уже на месте – носится с тряпкой, протирает стеллажи, хотя они и так чистые.

– Ну как я? – спрашиваю я, крутясь перед ней.

– Красотка, – Лена довольно кивает. – Сразу видно – руководитель. Только выдохни, а то твоё напряжение передует сейчас нас обеих, и читателей заодно.

Я пытаюсь выдохнуть. Получается плохо.

В назначенное время в дверь входят двое. Высокий мужчина в дорогом пальто и женщина-ассистентка с планшетом. Я сразу узнаю его – тот самый из первого ряда.

– Виктория Соколова? – он протягивает руку. – Дмитрий Крюков. Очень рад познакомиться лично.

– Здравствуйте, – я пожимаю его руку. Пожатие уверенное, тёплое. – Проходите, пожалуйста. Я покажу вам нашу библиотеку.

– С удовольствием.

Мы идём по залам. Я рассказываю, показываю, объясняю. Дмитрий слушает внимательно, задаёт умные вопросы, иногда останавливается у стеллажей, рассматривает книги.

– Знаете, Виктория, – говорит он, когда мы останавливаемся в детском уголке. – Я был на многих презентациях. Слышал сотни проектов. Но только ваше выступление почему-то зацепило меня по-настоящему.

– Правда?

– Правда. Вы говорили не как чиновник, не как наёмный сотрудник. Вы говорили как человек, который действительно любит своё дело. Это большая редкость в наше время.

– Спасибо. Просто я правда люблю эту библиотеку. Она для меня не работа, а вся моя жизнь, – смущаюсь я.

– Я вижу. – он смотрит на меня, и в его взгляде появляется что-то новое. – Виктория, я хочу предложить вам сотрудничество. Я готов инвестировать в ваш проект. Не просто дать деньги – я хочу помочь вам реализовать всё, что вы задумали.

У меня перехватывает дыхание.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно. Но есть одно условие.

– Какое?

– Я хочу, чтобы вы оставались руководителем. Чтобы вы сами вели проект. Потому что я инвестирую не в библиотеку. Я инвестирую в вас. В вашу увлеченность идеей, в ваш энтузиазм, в вашу искренность.

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Мечта, которая казалась недостижимой, вдруг становится реальностью.

– Дмитрий, я даже не знаю, что сказать. Спасибо.

– Не надо благодарности, – он улыбается. – Просто покажите мне, на что вы способны. Я уверен, результат превзойдёт все ожидания.

После экскурсии мы сидим в моём кабинете, пьём чай и обсуждаем детали. Дмитрий предлагает конкретные шаги, называет суммы, говорит о сроках. Я чувствую удовлетворение. Это оно. То, ради чего я работала все эти годы. Но чего-то не хватает. Или кого-то?

– Виктория, – говорит он, когда мы заканчиваем. – Можно личный вопрос?

– Да.

– Вы замужем?

Вопрос застаёт врасплох.

– Нет, – отвечаю я. – Не замужем.

– И давно одна?

– Давно. Работа, знаете ли, забирает всё время.

Он кивает, и в его глазах мелькает что-то непонятное.

– Понимаю. Я тоже работаю много. Но иногда стоит делать перерывы. Чтобы увидеть то, что действительно важно.

Я не знаю, что ответить. Повисает неловкая пауза.

– Ладно, – Дмитрий встаёт. – Мне пора. Я позвоню на днях, обсудим детали. Рад был познакомиться, Виктория.

– Взаимно.

Он уходит. Я провожаю его до дверей и возвращаюсь в кабинет. Лена влетает через минуту.

– Ну что? Как прошло?

– Лена, – я смотрю на неё шальными глазами. – Он даёт деньги. На всё. Представляешь, не на что-то одно. А на все наши идеи!

– Что?! – Лена визжит и бросается меня обнимать. – Вита! Это же потрясающе! Поздравляю!

Мы прыгаем по кабинету, как две сумасшедшие. А я думаю о том, что жизнь, кажется, налаживается. Москва, Артём, та ночь – всё это становится просто воспоминанием. Далёким, красивым, но нереальным. А здесь – реальность. Моя библиотека. Мой проект. Мой шанс.

Вечером я сижу на кухне и смотрю в окно. За окном снег. Как тогда, в Москве. Я открываю ноутбук, захожу в поисковик и набираю «Артём Волков». Палец замирает над клавишей Enter. Стоит ли? Зачем? Что это изменит? Я закрываю браузер. Выключаю ноутбук. Иду спать. Завтра начинается новая жизнь.

Глава 8 Вита

Три недели спустя.

Я летаю. В прямом смысле этого слова. Кажется, что у меня выросли крылья, и теперь я ношусь по библиотеке, не касаясь пола. Проект, который столько лет существовал только в моей голове и в бесконечных папках с документами, наконец-то начинает обретать реальные черты.

– Вита, ты где витаешь? – Лена ловит меня в коридоре, когда я проношусь мимо с рулоном ватмана под мышкой. – Я тебя в третий раз окликаю.

– А? Что? – я останавливаюсь, пытаюсь переключиться из режима «космическая скорость» в режим «обычный человек».

– Я говорю, кофе пить пойдёшь? Или ты опять на своей энергии?

– Не могу, Лен. Мне надо набросать планировку нового детского зала. Крюков сказал, что сегодня к вечеру прийдёт своего дизайнера, я хочу показать ему свои идеи.

– Крюков, Крюков, – Лена хитро щурится. – Ты о нём только и говоришь в последнее время.

– Я говорю о проекте, – поправляю я. – Он просто инвестор.

– Ага, инвестор. Который звонит тебе каждый вечер. И приезжает два раза в неделю. И смотрит на тебя так, будто ты – самое интересное, что есть в этом проекте. Вита, ему ведь совсем не библиотека интересна.

– Лена, прекрати.

– Что прекрати? Я просто говорю то, что есть, – она поднимает руки в шутливом жесте капитуляции. – Ладно, беги со своими чертежами. Но имей в виду: я всё вижу.

Я закатываю глаза и убегаю в кабинет. Но на ходу ловлю себя на мысли, что Лена, кажется, права. Дмитрий действительно звонит каждый вечер. Сначала по делу – обсудить сметы, сроки, подрядчиков. А потом разговор как-то незаметно перетекает в личное. Он рассказывает о себе, о своих поездках, о том, как оказался в инвестициях. Я рассказываю о библиотеке, о читателях, о своих книжных блогах.

Вчера, например, мы проговорили два часа. О чём? Да я и не помню уже. Обо всём. О жизни. О том, что важно, а что – суета. О том, как трудно найти человека, с которым можно просто молчать.

– Вита, – сказал он под конец разговора. – Ты необыкновенная. Ты это знаешь?

Я смутилась и перевела тему. Но его слова застряли в голове.

Вечером Дмитрий приезжает в Заозёрск вместе с дизайнером. Мы встречаемся в библиотеке, чтобы обсудить финальные детали перед началом ремонта. Он сидит напротив меня в моём кабинете, и я ловлю себя на том, что рассматриваю его. Внимательно, как будто впервые вижу.

Он красивый. Не той фотомодельной красотой, как Артём, а другой – взрослой, уверенной, спокойной. Седые виски, умные глаза, руки человека, который привык работать, а не только подписывать чеки. Он слушает меня внимательно, не перебивает, задаёт правильные вопросы.

– Всё, – говорю я, закрывая папку с документами. – Кажется, мы закончили. Спасибо вам огромное, Дмитрий. Я даже не знаю, как отблагодарить.

– Есть один способ, – он улыбается.

– Какой?

– Поужинайте со мной сегодня. Не как с инвестором, а просто как с человеком. Мне надоело есть одному.

Я смотрю на него и вижу в его глазах не просто вежливость. Там что-то большее. Чего я не хочу видеть. К чему я совершенно не готова. Не сейчас.

– Дмитрий, я...

– Просто ужин, – перебивает он мягко. – Без обязательств. Просто поесть и поговорить. Даже такие феи, как вы, должны когда-то есть?

Я улыбаюсь.

– Хорошо. Только не в гостинице. В нашем городе есть отличное кафе «Снежинка». Там кормят по-домашнему.

– Идёт.

Вечер в «Снежинке» проходит удивительно легко. Мы говорим о книгах. Оказывается, Дмитрий много читает. Потом переключаемся на путешествия. Ловлю каждое его слово. Он объездил полмира, а я почти нигде не была. Вспоминаем наше детство. К концу ужина я понимаю, что с ним легко. Очень легко. Как с другом, которого знаешь сто лет.

– Вита, – говорит он, когда мы выходим на улицу. – Можно задать личный вопрос?

– Давай.

– Ты сказала, что одна. Почему? Такая красивая, умная, интересная – и одна?

– Не встретился тот, с кем захотелось бы не быть одной, – я пожимаю плечами.

– А если встретится? – он смотрит внимательно.

– Дмитрий, ты хороший человек. Очень хороший. Но я не готова. Прости, – я отвожу взгляд.

– За что ты извиняешься? – он улыбается. – Я не тороплю. Просто хочу, чтобы ты знала: ты мне нравишься. Очень. И я готов ждать столько, сколько нужно.

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Потому что где-то в глубине души всё ещё теплится воспоминание о другой ночи. О другом мужчине. Который даже не позвонил.

– Спасибо, – говорю я тихо. – За честность.

– И тебе спасибо, – он берёт мою руку и легонько пожимает. – За то, что ты есть.

Потом он садится в машину и уезжает. А я долго стою на улице, глядя на снег, и думаю о том, как странно устроена жизнь.

Ещё через неделю Дмитрий приезжает снова. И снова. И снова. Его визиты становятся регулярными, и я перестаю их считать. Мы работаем, спорим, смеёмся, пьём чай в моём кабинете. Лена уже перестала подкалывать меня – просто смотрит с понимающей улыбкой.

– Вита, – говорит она однажды. – Ты бы присмотрелась к нему. Хороший мужик.

– Лен, я знаю. Но...

– Но? – она поднимает бровь.

– Но не могу. Понимаешь? Не могу заставить себя чувствовать то, чего нет.

– А что есть?

Я молчу. Потому что не хочу признаваться даже себе. Потому что есть воспоминание об одной ночи. Об одном мужчине. Который даже не позвонил. Если бы я раньше познакомилась с Дмитрием...

– Ладно, – Лена вздыхает. – Дело твоё. Но не упусти своё счастье.

Я киваю и убегаю по делам.

День, который перевернёт мою жизнь, начинается обычно. Я просыпаюсь, пью кофе, иду в библиотеку. На улице солнечно, снег искрится, настроение отличное. Я даже напеваю что-то под нос, шагая по знакомой улице. В библиотеке сразу окунаюсь в работу. Звонки, документы, встречи. Обед пролетает незамеченным – я просто забываю поесть.

К трём часам дня я чувствую лёгкое головокружение. Списываю на то, что не ела. Потом начинает подташнивать. Странно. Я же ничего не ела, с чего бы тошнота?

– Вита, ты чего такая бледная? – Лена заглядывает в кабинет.

– Не знаю. Голова кружится что-то.

– Есть надо вовремя, – назидательно говорит она. – Сейчас принесу тебе чай и бутерброд. Она уходит, а я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза. Головокружение усиливается. В ушах шумит.

– Вита! – Лена вбегает с чашкой в руках. – Ты зелёная вся! Что с тобой?

Я открываю глаза и понимаю, что сейчас упаду в обморок.

– Лен, мне плохо, – шепчу я.

Она ставит чашку, подхватывает меня под руку и ведёт в подсобку. Усаживает на диван, открывает окно.

– Дыши глубже. Сейчас пройдёт.

Я дышу. Постепенно отпускает. Но тошнота остаётся.

– Вита, – Лена смотрит на меня странно. – У тебя когда последние месячные были?

Вопрос застаёт врасплох. Я начинаю считать в уме и понимаю, что... давно. Очень давно. Месяц? Полтора? Я сбилась со счёта за этими проектами, встречами, бесконечными делами.

– Лен, ты думаешь...

– Я ничего не думаю, – она уже роется в своей сумке. – Просто проверь.

Она протягивает мне тест. Обычный тест на беременность, какие продаются в любой аптеке.

– Лен, откуда у тебя это?

– У меня сестра замужем, – отмахивается она. – Я всегда ношу с собой, на всякий случай. Для неё. Иди проверь.

Я смотрю на тест, и внутри всё холодеет.

– Лен, это невозможно. У меня никого не было... ну, кроме...

Я замолкаю. Потому что «кроме» было. Тот самый мужчина. Тот самый фотограф. Та самая ночь в Москве.

– Вот именно, – Лена смотрит серьёзно. – Иди.

Я иду в туалет. Руки дрожат так, что я едва могу открыть упаковку. Делаю всё, как написано в инструкции. Кладу тест на край раковины и смотрю на часы. Три минуты. Сто восемьдесят секунд, которые растягиваются в вечность. Я считаю про себя. Раз, два, три... Четыреста двадцать... Четыреста пятьдесят... Смотрю на тест. Две полоски. Яркие, чёткие, не оставляющие сомнений.

Мир останавливается. Я смотрю на эти две полоски и не могу дышать. Воздух есть, лёгкие работают, но дышать невозможно. Потом накатывает волна – шок, страх, ужас, отчаяние. Всё сразу.

– Нет, – шепчу я в пустоту. – Этого не может быть. Не сейчас.

Я прислоняюсь к стене и сползаю на пол. Сижу на холодном кафеле, сжимая тест в руке, и не могу пошевелиться. Стук в дверь.

– Вита! – голос Лены. – Ты жива там?

Я не отвечаю.

– Вита, открывай!

Я с трудом встаю, открываю дверь. Лена смотрит на моё лицо и всё понимает.

– Ох, – выдыхает она. – Ох, Вита.

Она заводит меня обратно в подсобку, усаживает на диван, садится рядом.

– Сколько? – спрашивает тихо.

– Две.

Мы молчим. Я смотрю в одну точку. Лена гладит меня по руке.

– Тот фотограф? Из Москвы?

Я киваю.

– Он знает?

– Нет.

– Ты скажешь?

– Не знаю, Лен. Я ничего не знаю.

Я закрываю лицо руками и плачу. В голос, навзрыд, как ребёнок. Лена обнимает меня, шепчет что-то успокаивающее, но я не слышу. Перед глазами – его лицо. Его улыбка. Его шёпот: «Спасибо за реальность». Реальность пришла. И она совсем не такая, как я ожидала.

Вечером я сижу на кухне одна. Мама ушла к соседке. Я смотрю на тест, который лежит передо мной на столе, и пытаюсь принять реальность. Я беременна. От мужчины, которого знала один вечер, одну ночь и одно утро. Который улетел в Токио и даже не спросил мой номер. Который живёт в другом мире – с полумиллионом подписчиков, бесконечными перелётами и девушками, пишущими «Малыш, я скучаю».

– Артём, – шепчу я в темноту. – Что мне делать?

Ответа нет. Только снег за окном и тишина. Я снова смотрю на тест. Две полоски. Две жизни. Моя и та, что внутри меня. – Мы справимся, – шепчу я, прижимая руку к животу. – Вдвоём справимся. Но внутри – пустота и страх. Потому что я совсем одна. И не знаю, как быть.

На следующий день я прихожу на работу как ни в чём не бывало. Лена смотрит на меня с тревогой, но молчит. Я погружаюсь в дела, пытаюсь заглушить мысли. Звонит Дмитрий.

– Вита, привет. Я сегодня приеду, надо обсудить подрядчиков. Ты свободна вечером?

– Да, конечно. Приезжай.

– Отлично. Кстати, – он делает паузу. – Ты как? Голос какой-то уставший.

– Всё нормально, – вру я. – Просто дел много.

– Береги себя, – говорит он мягко. – Ты мне нужна живая и здоровая.

Я кладу трубку и смотрю на телефон. Дмитрий. Хороший, надёжный, заботливый. Который смотрит на меня с теплом. Который готов ждать. А во мне – ребёнок от другого.

– Господи, – шепчу я. – За что мне это?

Вечером мы встречаемся. Обсуждаем дела, пьём чай. Дмитрий рассказывает о своих планах, шутит, смеётся. А я сижу как на иголках, боясь, что он увидит правду в моих глазах.

– Вита, – говорит он вдруг. – Ты точно в порядке? Ты сегодня какая-то не такая.

– Всё хорошо, Дима. Правда.

– Если что-то случится – ты знаешь, я рядом. – Он берёт мою руку. – Я серьёзно.

Я смотрю на его руку, накрывающую мою. Тёплую, надёжную, настоящую. И думаю о том, как всё могло бы быть, если бы не та ночь. Если бы не Артём. Если бы я могла просто позволить себе быть счастливой с тем, кто рядом.

– Спасибо, – говорю я тихо. – Ты даже не представляешь, как это важно.

Он улыбается. А я отвожу взгляд, чтобы не видеть эту улыбку. Потому что знаю: я никогда не смогу ответить ему тем же. Потому что моё сердце осталось там – в Москве, в той ночи, с тем мужчиной. Который даже не знает, что у него будет ребёнок.

Ночью я не сплю. Лежу, смотрю в потолок и думаю. Надо решать. Надо что-то делать. Но что? Сказать ему? Но как? У меня нет его номера, нет контактов. Только соцсеть, где он – звезда, а я – никто.

Не говорить? Растить ребёнка одной? Я справлюсь, наверное. Я сильная. Я всегда справлялась. Но почему так страшно?

Я встаю, иду к ноутбуку, открываю новый документ. Пальцы замирают над клавиатурой.

«Артём, – пишу я. – Ты меня не знаешь. Вернее, знаешь, но, наверное, уже забыл. Мы встретились в Москве три недели назад. Я – та самая библиотекаря из Заозёрска, которая спорила с Лебедевым-Смоленским. Ты снимал меня на камеру. А потом мы гуляли под снегом. А потом была ночь. Ты улетел в Токио, даже не спросив мой номер. А я осталась одна. Сейчас я узнала, что беременна. От тебя. Я не знаю, зачем тебе это пишу. Ты никогда не прочитаешь. Но мне нужно было это сказать. Хотя бы так».

Я сохраняю файл. Называю его «Снежные письма для Артёма». И закрываю ноутбук. За окном светает. Начинается новый день. Новая жизнь.

Глава 9 Вита

Разговор с мамой происходит на следующий день. Я, конечно же, хочу отложить его на когда-нибудь попозже. Но понимаю: дальше тянуть нельзя. Живот пока не видно, но скоро станет заметно. А мама – не Лена, её не обманешь.

Я захожу на кухню, где она привычно хлопочет у плиты. Пахнет блинами – её коронное блюдо, которым она пытается меня накормить уже лет двадцать.

– Мам, – говорю я, садясь на табуретку. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Она оборачивается, смотрит на моё лицо и сразу выключает плиту. Материнское интуиция – страшная сила.

– Что случилось, дочка?

– Я... – голос срывается. – Мам, я беременна.

Тишина. Такая, что слышно, как тикают часы на стене. Мама смотрит на меня, и в её глазах – целая гамма чувств. Шок, тревога, непонимание. И что-то ещё, чему я не могу подобрать названия.

– От кого? – голос у неё ровный, без истерики. Я всегда восхищалась этим её умением держать себя в руках.

– Помнишь, я ездила в Москву на конференцию?

– Помню.

– Там я познакомилась с одним человеком. Фотографом. Мы провели вместе ночь. А утром он улетел в Токио.

– И что?

– И всё. Я даже не знаю его номера. Он не знает, что я беременна. И вряд ли узнает. Мама молчит долго. Потом садится напротив, берёт мои руки в свои.

– Ты решила уже? Будешь рожать?

– Да, мам. Буду.

– Тогда о чём разговор? – она пожимает плечами. – Рожай. Помогу.

– Мам, ты не злишься?

– А толку злиться? – она вздыхает. – Ты взрослая девочка, сама решаешь. Я только за тебя переживаю. Как ты одна будешь?

– Я справлюсь. Я сильная.

– Знаю, – она гладит меня по руке. – Ты у меня всегда была сильная. Но одной тяжело, дочка. Очень тяжело.

– Я знаю, мам. Но выбора нет.

– Выбор есть всегда, – возражает она. – И ты его уже сделала. Значит, будем справляться вместе.

Я обнимаю её, и впервые за эти дни мне становится чуточку легче. Я не одна. У меня есть мама. Есть Лена. Есть библиотека, которая скоро станет ещё лучше благодаря проекту.

А он где-то там. В своём Токио. В своей красивой жизни. И даже не знает, что у него будет ребёнок.

Вечером того же дня приезжает Дмитрий. Я встречаю его в библиотеке, как обычно. Мы обсуждаем планы, подписываем документы, говорим о подрядчиках. Всё как всегда. Только я чувствую, что сегодня он какой-то другой. Собранный, серьёзный, будто решается на что-то важное.

– Вита, – говорит он, когда мы заканчиваем с делами. – Можно пригласить тебя на ужин? Не здесь, в Заозёрске. В Питер.

Я поднимаю на него удивлённый взгляд.

– В Питер? Зачем?

– Я хочу показать тебе город. Настоящий, красивый, не как здесь. – Он улыбается. – Мы могли бы съездить на выходные. Посмотреть Эрмитаж, погулять по Невскому, посидеть в хорошем ресторане. Ты заслужила отдых.

Я смотрю на него и вижу в его глазах надежду. Он ждёт. Ждёт, что я соглашусь. Ждёт, что между нами что-то изменится. А я не могу ему врать. И решаюсь на признание.

– Дима, – говорю я тихо. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я беременна.

Он замирает. Смотрит на меня непонимающе.

– Что?

– Беременна. От того фотографа. Из Москвы.

Тишина повисает между нами, густая и тяжёлая. Дмитрий молчит долго, и я вижу, как в его глазах сменяются чувства. Шок. Боль. Разочарование. А потом – что-то другое.

– Ты что-то решила? – спрашивает он наконец.

– Решила. Буду рожать.

– А он знает?

– Нет. И не узнает. У меня даже номера его нет.

Дмитрий отворачивается к окну. Стоит так минуту, другую. Я смотрю на его спину и чувствую, как внутри всё сжимается. Сейчас он уйдёт. И правильно сделает. Зачем ему такие сложности? Но он не уходит. Поворачивается, подходит ко мне, садится рядом.

– Вика, – говорит он тихо. – Я не передумал.

– Что?

– Я не передумал. Ты мне по-прежнему нужна. И ребёнок... я приму его. Как своего. Если ты позволишь.

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Так не бывает. И я не могу принять его предложение.

– Дима, ты понимаешь, что говоришь? Я беременна от другого мужчины. Через несколько месяцев у меня будет ребёнок. Это не шутки.

– Я понимаю. И я говорю серьёзно. – Он берёт мои руки. – Вика, я люблю тебя. Не знаю, когда это случилось, но я люблю. И я готов ждать. Столько, сколько нужно. Пока ты не будешь готова. Пока не пройдёт эта боль. Пока не родишь. Пока не сможешь посмотреть на меня иначе, чем сейчас. Я буду рядом. Просто рядом. Без требований, без условий.

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Потому что в его словах – то, о чём я даже не смела мечтать. Надёжность. Забота. Любовь. Настоящая, взрослая, без дурацких игр.

– Дима, – шепчу я. – Это нечестно по отношению к тебе.

– Это моё решение, – твёрдо говорит он. – И я его принимаю осознанно. Ты не обязана отвечать мне взаимностью. Ты вообще никому ничего не обязана. Просто знай, что я есть. И что я буду ждать.

Он встаёт, целует меня в лоб.

– Поехали в Питер? Не как свидание. Как друзья. Тебе нужно отвлечься.

Я смотрю на него и понимаю, что он прав. Мне действительно нужно отвлечься. От мыслей об Артёме, от страха перед будущим, от бесконечных «а что, если».

– Хорошо, – говорю я. – Поехали.

Поездка в Питер становится глотком свежего воздуха. Мы гуляем по Невскому, замерзая на ветру. Стоим на Дворцовой, глядя на Зимний дворец. Долго бродим по Эрмитажу, и я забываю обо всём, рассматривая картины. Дмитрий рядом, не мешает, не лезет с разговорами. Просто идёт следом, иногда останавливаясь у тех же полотен.

Вечером мы сидим в маленьком ресторанчике на канале Грибоедова. За окном снег, внутри тепло и уютно, играет тихая музыка.

– Спасибо тебе, – говорю я. – За этот день.

– Не за что. Я рад, что ты согласилась.

– Дима, – я смотрю на него. – Ты правда готов ждать? Год? Два? Больше?

– Правда. – Он смотрит мне прямо в глаза. – Вика, я не мальчик. Мне сорок пять лет. Я видел разное. И я знаю, что такие женщины, как ты, встречаются раз в жизни. Я готов ждать столько, сколько потребуется. Даже если ты никогда не полюбишь меня так, как я тебя. Я просто хочу быть рядом.

Я отвожу взгляд. Потому что в его словах слишком много правды. Слишком много боли, которую он готов принять ради меня.

– Я не знаю, что будет дальше, – говорю тихо. – Но я рада, что ты есть.

Вечером, в гостиничном номере, я долго не могу уснуть. Смотрю в потолок и думаю. О нём. О Дмитрие. О том, как странно устроена жизнь. Один мужчина подарил мне ночь и исчез. Другой готов ждать вечность. А я всё равно думаю о первом.

– Дура, – шепчу я себе. – Какая же я дура.

Достаю телефон, открываю записки. Новое письмо. Снежное письмо.

«Артём, сегодня я была в Питере. С Дмитрием. Он хороший человек. Он сказал, что будет ждать меня сколько угодно. Даже зная, что я беременна от тебя. А я думаю о тебе.

Почему? Почему, когда другой мужчина предлагает мне всё, я не могу забыть тебя? Того, кто даже не знает о моём существовании? Наверное, я сошла с ума.

Спокойной ночи».

Месяцы летят незаметно. Я погружаюсь в работу с головой. Проект библиотеки требует постоянного внимания: подрядчики, материалы, сроки. Я ношусь по объекту, ругаюсь с рабочими, утверждаю сметы. Дмитрий приезжает каждую неделю, помогает, поддерживает. Иногда я ловлю себя на мысли, что без него бы не справилась.

Живот растёт. Я уже не могу это скрывать, да и не пытаюсь. В городе судачат, конечно. Маленький город, большие сплетни. Но мне плевать. У меня есть дело поважнее.

– Вита, – Лена заглядывает в кабинет. – Ты бы отдыхала больше. Ты вообще-то в декрете уже.

– Лен, не начинай. У меня открытие через месяц.

– А роды через две недели после открытия, если верить врачу. Ты вообще соображаешь?

– Соображаю. Иди работай.

Она вздыхает, но уходит. А я снова утыкаюсь в документы.

Ночью пишу письма. Они становятся моим ритуалом, моей терапией, моим способом не сойти с ума.

«Артём, сегодня я была на УЗИ. Первом. Врач показала мне экран, и я увидела его. Нашего ребёнка. Он уже с ручками и ножками, у него бьётся сердце. Крошечное, но такое сильное.

Я смотрела на экран и плакала. Представляла, как ты стоишь рядом. Как держишь меня за руку. Как улыбаешься.

Но тебя нет. Я не знаю, будешь ли ты когда-нибудь в курсе. Наверное, нет. Но если вдруг... если однажды судьба сведёт нас снова... я покажу тебе этот снимок. И скажу: смотри. Это наше чудо».

«Артём, двадцать недель. Половина пути. Ребёнок уже толкается. Сильно, так, что я вздрагиваю. Врач сказала, будет мальчик.

Мальчик. Твой сын. Я думаю о том, каким он вырастет. Будут ли у него твои глаза? Твоя улыбка? Твой талант видеть красивое в обычном?

Я надеюсь, что да. Даже если ты никогда не узнаешь, я буду рассказывать ему о тебе. О том, какой ты был той ночью. Настоящий. Тёплый. Живой».

«Артём, тридцать недель. Скоро рожать. Библиотеку почти доделали. Она получилась такой, как я мечтала. Светлая, уютная, с детским уголком и лекторием. Дмитрий говорит, что я сотворила чудо.

А я думаю о том, что чудо – это не библиотека. Чудо – это он. Тот, кто растёт внутри меня. Тот, кто скоро появится на свет.

Интересно, ты бы гордился мной? Или тебе всё равно?»

Наступает день открытия библиотеки. Я стою у входа, поглаживая огромный живот, и смотрю на результат наших трудов. Красиво. Очень красиво. Стеклопакетные двери, новые стеллажи, мягкие кресла, детский уголок с игрушками. Люди собираются, гудят, рассматривают.

– Вита, – мама подходит сзади. – Ты бы присела. Чего стоишь как статуя?

– Мам, я на работе.

– Ты на сносях, – поправляет она. – Давай-ка в кабинет, ноги подними. А то разродишься тут, на радость публике.

– Мам!

– Что мам? Я правду говорю.

Я закатываю глаза, но послушно иду в кабинет. Сажусь в кресло, кладу ноги на стул. Мама права, сил почти нет. Через час приходит Дмитрий. С цветами и улыбкой.

– Поздравляю, – говорит он, вручая букет. – Ты сделала это.

– Мы сделали, – поправляю я. – Без тебя бы ничего не вышло.

– Ну, я только деньги давал. А ты – душу.

Он садится напротив, смотрит на меня. В его глазах – тепло и тревога.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как слон, – признаюсь я. – Огромная, неповоротливая, всё болит.

– Потерпи немного. Осталось всего две недели.

– Легко сказать.

Он смеётся.

– Вика, – говорит он вдруг. – Я хочу пригласить тебя сегодня в ресторан. Отметить открытие.

Я смотрю на него удивлённо.

– Дима, я в таком виде... и вообще, мне рожать скоро.

– И что? – он пожимает плечами. – Ты красивая в любом виде. И ребёнок ещё не повод отказываться от праздника. Просто посидим, поедим вкусной еды, выпьем чаю.

Я думаю секунду. А почему бы и нет? Действительно, последние месяцы я только работала и лежала. Надо же иногда и о себе вспоминать.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Только недолго.

– Договорились.

Вечером я надеваю единственное платье, которое ещё налезает на мой живот. Чёрное, свободное, кружевное. Смотрю на себя в зеркало и улыбаюсь.

– Ничего, – говорю я своему отражению. – Ты справишься.

Дмитрий ждёт у подъезда на машине. Открывает дверь, помогает сесть. В ресторане нас встречают как почётных гостей – лучший столик у окна, свечи, тихая музыка.

– Красиво, – говорю я, оглядываясь.

– Ты красивая, – отвечает Дмитрий. – Садись, отдыхай.

Мы ужинаем, говорим о библиотеке, о планах, о будущем. Дмитрий рассказывает смешные истории из своей жизни, я смеюсь. Впервые за долгое время мне легко и спокойно.

– Вика, – говорит он, когда мы допиваем чай. – Я хочу, чтобы ты знала. Я рядом. Всегда. Что бы ни случилось.

Я смотрю на него и вижу в его глазах ту самую преданность, которая пугает и согревает одновременно.

– Спасибо, Дима. Правда. За всё.

Он берёт мою руку, целует.

– Просто будь счастлива. Это всё, о чём я прошу.

Мы выходим из ресторана, садимся в машину. Дмитрий везёт меня домой. За окнами – ночной город, снег, фонари.

– Дима, – говорю я вдруг. – Останови здесь.

Он тормозит удивлённо.

– Что?

– Ничего. Просто... я хочу запомнить этот момент.

Я смотрю на снег, падающий на лобовое стекло. На фонари, отражающиеся в лужах. На свои руки, лежащие на огромном животе. И думаю о том, что через две недели всё изменится. Я стану мамой. И жизнь разделится на «до» и «после».

– Спасибо тебе, – шепчу я.

– За что? – Дмитрий смотрит на меня.

– За то, что ты есть. За то, что рядом. За то, что не бросаешь.

Он улыбается и трогается с места. Дома я долго не могу уснуть. Лежу, смотрю в потолок, слушаю, как ребёнок толкается внутри. Потом встаю, открываю ноутбук.

«Артём, сегодня я была в ресторане. С Дмитрием. Отмечали открытие библиотеки. Он смотрел на меня так, будто я – самое дорогое, что есть в его жизни.

А я думала о тебе. Странно, да? Когда рядом такой человек, я всё равно оглядываюсь на прошлое. На одну ночь. На одного мужчину.

Скоро я стану мамой. А ты даже не узнаешь.

Прощай, Артём. Наверное, мне пора перестать писать эти письма. Пора жить дальше. Но пока не могу.

Спокойной ночи».

Я закрываю ноутбук, ложусь и закрываю глаза. Завтра будет новый день. Новая жизнь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.